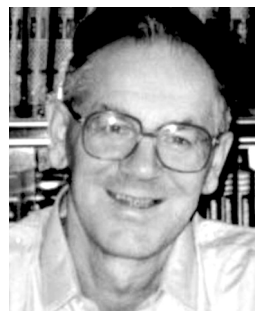

Вячеслав
Саватеев

ОБРАЗ КОРЕИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1

Одной из первых книг, из которой русское общество уже в середине XIX века немало узнало о Корее, была «Фрегат “Паллада”» замечательного русского писателя Ивана Александровича Гончарова. Сам автор определил жанр этой книги как «очерки путешествия в двух томах». Написанная на материале личных впечатлений, вобравшая в себя предшествующий опыт и знания, эта книга во многом стала поистине *открытием* стран Юго-Восточной Азии, в том числе Кореи. Открытием не столько географическим, хотя, как оказалось во время путешествия, и карта Кореи нуждалась в уточнении, а открытием Кореи как самобытной страны, имеющей свои отличительные особенности от соседей, и прежде всего Китая и Японии, свое *национальное* своеобразие. Речь шла об истории Кореи, ее народе, о быте, психологии, обычаях, культуре, образе жизни. И. Гончаров практически первым из русских писателей так внимательно всматривался в Корею и корейцев, он первым сказал многое из того, что потом стало определенной традицией и опорой в восприятии наших восточных соседей.

Сразу следует отметить, что не всё в наблюдениях и выводах автора было абсолютно верно и объективно – И. А. Гончаров и сам это понимал и оговаривался в подобном духе. Порой его впечатления противоречивы, иногда они строятся на случайных встречах и разговорах, откровенных слухах; кроме того, ему нелегко было преодолеть тот разрыв, то различие, которое отделяло в то время два далеких мира, две цивилизации, две культуры. Все это вполне объективные обстоятельства и резоны, которые в значительной мере предопределяли оценки увиденного, особенно того, что казалось странным, необычным, ограничивало взгляд русского писателя-путешественника. Однако это ни в коей мере не отменяет того ценного вклада, который внес И. Гончаров в свое знание Кореи, воссоздание образа «Страны утренней свежести», ее прошлого и современности, быта, обычаев, самой души корейского народа, его мировосприятия, ощущения себя в мире и в истории, во времени...

Какой же увидел Корею, ее жителей автор «Фрегата “Паллада”»?

Что привлекло его внимание? Как он оценивал увиденное? Что ему понравилось в корейском характере, а что – нет? Что вызвало одобрение, а что, наоборот, раздражало и даже отторгалось и почему?

Для того чтобы правильно ответить на эти вопросы, нужно иметь в виду, что всё это неотделимо от личности писателя, от его творческого метода, наконец, от авторского замысла, жанра книги. В самом деле, существенно важно, что перед нами книга писателя-реалиста И. Гончарова, в недалеком будущем автора таких знаменитых романов, как «Обломов» и «Обрыв», с их беспощадным социальным и психологическим анализом русского общества, а, скажем, не романтика В. Жуковского или представителя сентиментализма Н. Карамзина. Не требуется особых усилий, чтобы ощутить различие интонации, подхода, угла зрения, если сравнить книгу «Фрегат “Паллада”» с «Письмами русского путешественника» Н. Карамзина. Между ними, по сути, целая литературная эпоха, что не могло не отразиться на восприятии увиденного. Необходимо также помнить о жанре *очерков*, что само по себе предполагает известную фактографичность, детальность, даже «мелочность», а равно трезвость, критический взгляд на окружающее. И. Гончаров как бы дает самому себе *обет* рассказывать только то, что он видел или слышал сам, не «фантазируя», не идеализируя, но и не принижая, тем более не очерняя изображаемое. Такая творческая установка «путешественника», писателя в основном соблюдается, но иногда он все же «срывается» и позволяет себе рассуждения, излишние эмоции, за которые, правда, тут же извиняется, оговаривается...

Итак, какой же предстала перед автором «Фрегата “Паллада”» далекая южная страна и ее жители?

Корейцы высоки ростом, сильны; они чрезвычайно любознательны и сообразительны. У них нет «мёбели», поэтому при входе в комнаты они снимают туфли. Они одеты в белые одежды, сандалии у них бумажные или травяные. «Волосы они зачесывают... со всех сторон сверху в один пучок...» [1; 296]. Удивление путешественников вызывают и шляпы, которые делаются из тростника... И это часто возникающее чувство удивления вполне объяснимо, потому что, как замечает автор книги, в Корее немало мест, куда не ступала нога не только русского, но и какого-либо другого иностранца...

И. Гончаров отмечает всё, что кажется ему необычным, что отличает корейцев не только от европейцев, от русских, но и от народов-соседей – китайцев и японцев. Это относится и к внешнему виду, и к одежде, и к быту, обычаям, и к культуре.

Подобный подход позволяет лучше выделить то особенное, что присуще национальному характеру корейцев, их образу жизни, истории. При этом, как уже говорилось, писатель замечает и хорошее, и плохое, стремясь создать правдивую картину, образ. Характерно также и то, что он не просто отмечает ту или иную особенность, но и пытается найти ей историческое, социальное, психологическое объяснение.

Корейцы, с которыми встречаются русские матросы с фрегата «Паллада», порой грубы и необразованны, они с трудом объясняются, и то при помощи китайского языка, иногда они кажутся неприветливыми, агрессивными, воинственными. Но на самом деле корейцы – добрые и сердечные люди, они дружелюбны и отзывчивы...

Так, в одной из сцен местные жители не хотят пропускать русских – они «даже удерживали нас за полы, а иногда и толкали довольно грубо...». Но вот они познакомились с путешественниками поближе, и тотчас «стали очень услужливы, указывали удобные тропинки, рвали нам цветы, показывали хорошие виды» [1; 299]. Или еще один аналогичный пример. Сначала на гостей с русского корабля неприятное впечатление произвело то, что корейцы не хотели давать им еды. Но очень скоро русские смогли убедиться в том, что дело вовсе не в скупости корейцев или их недружелюбности по отношению к «варварам», как можно было бы подумать, а в бедности, нехватке самых необходимых продуктов. Проезжая мимо полей, И. Гончаров заметил, что кое-где они были засеяны ячменем и рисом, но в основном преобладали «утесы и камни» [1; 299]. «Все обнажено и смотрит бедно и печально» [1; 303]. И автор делает грустный вывод, явно сочувствуя беднякам: «Немудрено, что жители не могли дать нам провизии...»

Однако нельзя не признать, что на восприятие увиденного, на оценки автора «Фрегата “Паллада”» оказывает воздействие определенный *европоцентризм*. Рассуждая о китайцах как старших братьях японцев и корейцев, об Азии в целом, Гончаров постоянно пользуется словами «одряхление», «истощение» и т. п. У азиатских народов, по его мнению, «нет национальности, патриотизма, религии», нет развитой общественной жизни. Во всем здесь якобы господствует «мелочность и неподвижность». И даже, оказывается, «художники корпят над пустяками» [1; 305]. «...Дремлется, а не живется» – это звучит почти как *приговор* всей азиатской цивилизации в противовес цивилизации европейской. И если возможно еще что-то сделать, чем-то помочь азиатским народам, то «успех возможен для них не иначе, как под знаменем христианской цивилизации» [1; 312].

Правда, тут же автор «Фрегата “Паллада”» признается, что он не выдает сказанного «за истину». «Мне так казалось», – оговаривается он, видимо, осознавая уязвимость своей позиции. Так «кажется» и другим русским матросам, которые после встречи с бедными, грязно одетыми, не умеющими объясниться корейцами выражают свое впечатление в обидной, пренебрежительной форме. «Хуже литвы!» – слышу я, говорит один матрос. «Чего литвы: хуже черкес! – возразил другой, – этакая, подумаешь, нация!» Сам писатель, конечно, едва ли полностью разделяет столь уничижительную характеристику, но и протеста, возражений она у него не вызывает.

Он вновь и вновь повторяет свою мысль о «неразвитости», «младенчестве» азиатской цивилизации, и это, как ни странно, мешает адекватному восприятию даже природы, тех пейзажей, которыми нельзя не восхищаться. «Красиво, – отмечает он, – но и странно: неестественность, натяжка, точно нарумяненная и разряженная старуха!» [1; 314]. Подобная предвзятость проявляется также иногда и в отношениях к людям, их поведению. Вот путешественников готовятся встретить торжественно, искренне приветствовать их, а автор «Фрегата...» торопится тут же заключить: «Младенцы человечества любят напыщенность, декорации и ходули» [1; 314]. И не случайно он порой разделяет чужие негативные оценки и характеристики, которые явно выглядят предвзятыми...

Бесспорно, многое из сказанного – результат сравнительно недолгого знакомства с незнакомой страной и ее людьми, определенной субъективности. Но и при этом неверно говорить о каком-то сознательном искажении. Писатель верит в

будущее Кореи, ее народа... Несмотря на трудности, он вынослив и трудолюбив, хорошо приспособился к своей прекрасной, но и суровой природе. У корейцев нелегкая историческая судьба, они долгое время находились под гнетом других народов, однако у них не убито чувство достоинства и независимости. О русских и о России они «никогда не слыхивали», как «не слыхивали» и о многих других народах и странах мира. Их замкнутость мешает им лучше развить свою экономику, обогатить культуру, улучшить свой быт, приобщиться к лучшим достижениям новейшей цивилизации. Но они открыты всему новому, быстро устанавливают контакты, стараются перенять у других все полезное, лучшее.

Да, они во многом еще «младенцы» (хотя и старше европейских народов не на одну тысячу лет, и впечатление об их «дикости» и «варварстве» чисто внешнее, обманчивое), но это не мешает им занимать свое законное место в человеческом сообществе. Корейцы «не закоренели» в своей недоверчивости к внешнему миру, очень «склонны к мене», то есть к торговле, но и к «мене» в более широком значении – обмену культурой, другими человеческими ценностями...

Обо всем этом во «Фрегате...» подчас не говорится прямо, а как бы *между строк*, но каждый без особого труда различает и глубокий, неэкзальтированный интерес русского писателя ко всему незнакомому, и его требовательное, но по сути своей доброжелательное и часто сочувственное отношение к простым корейским людям. И, наконец, искреннее стремление И. Гончарова познакомить с жизнью, трудом, культурой, историей корейского народа – обо всем этом было так мало известно в то время русскому и европейскому читателю.

2

В начале XX века, особенно после русско-японской войны, в России усилился интерес к Дальнему Востоку, к изучению его природных ресурсов, обычаев жителей края. В это время и появились книги известного русского исследователя и путешественника В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». В них автор рассказал о своих наблюдениях над жизнью и трудом представителей различных народов и национальностей, населявших далекий край России, – в их числе было немало и корейцев.

В книге «По Уссурийскому краю» есть небольшая глава «Происшествие в корейской деревне». В ней, описывая свою первую встречу с корейцами, автор приходит к выводу об их равнодушии... «Из последней фанзы вышли двое мужчин. Они были одеты в белые куртки с широкими рукавами, в белые ватные шаровары и имели плетеную веревочную обувь на ногах. Они даже не взглянули на нас и прошли мимо. Около другой фанзы сидел старик и крутил нитки. Когда я подошел к нему, он поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых нельзя было прочесть ни любопытства, ни удивления...» [2; 26]. И далее он заключает еще более категорично: «И всюду, куда я ни приходил, я видел то удивительное равнодушие, которым так отличаются корейцы».

Какого-либо объяснения столь странного поведения со стороны корейцев В. Арсеньев не дает. Остается предположить, что он во многом смотрит на них глазами своего лучшего друга и проводника гольда Дерсу Узала, у которого свои счеты с корейцами... Но вот автор книги дает описание корейской деревни, и тон его повествования становится более спокойным и объективным... «Корейцы жи-

вут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, и каждая находится в середине своих полей и огородов... Корейские фанзы все одинаковы... Дымовые ходы выведены наружу в большое дуплистое дерево, заменяющее трубу...» и т. д. [2; 26–27].

При следующей встрече с корейцами автора привлекает то, что их «фанзочки были новенькими, чистенькими», они так понравились ему, что он решил здесь остановиться на день. Правда, в дальнейшем наблюдения над тем, как происходит ловля зверей, приводит его к размышлениям о хищничестве местных жителей... «На вопрос о том, почему они бросили пойманных животных, корейцы ответили, что только одни самцы дают ценный мускус, который китайские купцы скупают у них по рублю за штуку. Что же касается мяса, то и одного самца с них довольно, а завтра они поймают еще столько же...» [2; 370].

В другой книге В. Арсеньева «Дерсу Узала» мы вновь встречаемся с корейцами-охотниками – «соболевщиками». Автор обстоятельно описывает «зверовую фанзу» корейцев. Писатель подчеркивает их находчивость и смекалку.

«Корейцы считают, что их способ соболевания самый лучший, потому что ловушка действует наверняка, и случаев, чтобы соболь ушел, не бывает». Тут же мы узнаем, почему Дерсу Узала недолюбливает корейцев: они слишком искусны в охоте... Но если «лучший способ соболевания» у русского исследователя и писателя особого восторга не вызывает, то другое проявление таланта корейцев заслуживает его явной похвалы. Речь идет о «толчее» – приспособлении для измельчения зерна. «Из всех восточных народов на материке Азии корейцы первые додумались до использования живой силы воды. У китайцев таких машин нет» [2; 355].

Из книг В. Арсеньева читатель узнает, сколь трудна и подчас опасна жизнь корейцев. Доказательством тому может служить, например, «страшная находка», которую обнаружили однажды путешественники, – шесть черепов... По некоторым приметам Узала определил, что погибшие были корейцы – золотоискатели. «Они, видимо, хотели пробраться на берег моря, но заблудились в тайге и погибли от голода» [2; 241]. И это был, конечно, не единичный случай.

Корейская тема в книгах В. Арсеньева возникает в тесной связи с наблюдениями и раздумьями автора о судьбе Уссурийского края, его настоящем и будущем. Он озабочен сохранением природных богатств края, его фауны и флоры, но его не меньше интересуют люди, которые живут здесь. Автор выдвигает высокие требования, главное из которых – жить в согласии, гармонии с окружающей природой, чувствовать себя не «хозяином», а частицей мира...

Радикализм его требований не всегда согласуется с реалиями жизни, где приходится бороться за сносные условия существования. И поэтому «суд», которым автор порой судит своих героев, иногда кажется скорым и несправедливым. Но по высшему, гамбургскому счету русский писатель прав: лишь любовь к природе, уважение ее законов, как и уважение законов общества, дают человеку шанс остаться человеком, то есть существом разумным, думающем о дне не только сегодняшнем, но и завтрашнем. И этому не помеха, а только помощь то, что люди, живущие в этом краю, такие разные, не похожие друг на друга, со своими обычаями и национальными особенностями. И корейцы в этой своеобразной общности являются ее неотъемлемой частью...

Ты, Азия, – родина родин!
 Вместилище гор и пустынь...
 Ни с чем предыдущим не сходен
 Твой воздух – он огнен и синь.

Анна Ахматова [4; 45]

Почти через столетие после И. Гончарова корейская тематика привлекла замечательного русского поэта Анну Ахматову.

Известно, что в пятидесятые годы она много переводила с разных языков. Как отмечает редактор и исследовательница ее творчества Н. Глен, далеко не всегда обращение к тем или иным произведениям отражало ее собственные литературные пристрастия. Более того, по свидетельству знавших Ахматову людей, она полагала, что для перевода лучше выбирать авторов, не близких, не созвучных ей по настроению [3; 436]. Видимо, ее не все удовлетворяло в переводах, и она даже высказывала пожелание, чтобы их не включали в ее собрания сочинений... Но именно переводы стихов корейских классиков, замечает та же исследовательница, явились тем редким исключением, когда переводимое было русскому поэту «внутренне близким», «когда Ахматова почувствовала – через века – живую душу иноязычной поэзии». И далее – очень важный и, думается, вполне обоснованный вывод: «В таких случаях возникали стихи, которые становились явлениями *русской поэзии*» (курсив Н. Глен). Так что ахматовские переводы из корейской поэтической классики – факт русской поэзии...

Есть немало подтверждений того, что переводы из корейской классики вдохновляли Ахматову. Так, в феврале 1955 года в письме Ольшевской-Ардовой упоминается, что ей «принесли для перевода корейскую поэму и “Рыбака”...» [4; 222]. Речь идет о переводе поэмы Юн Сон До «Времена года рыбака»; и хотя А. Ахматова признается, что очень занята другими делами, позже она осуществит этот перевод. Ахматова сохранила одно из читательских писем, в котором дается высокая оценка ее переводам корейских поэтов [4; 328, комментарий]. Особенно характерным следует считать тот факт, что в 60-е годы русская поэтесса вновь обращается в своем творчестве к корейской поэзии – она пишет стихотворение «Подражание корейскому»: «Приснился мне почти что ты. / Какая редкая удача! / А я проснулась, горько плача, / Зовя тебя из темноты...» [4; 82]. Предполагается, что в данном случае А. Ахматова «подражала» корейской поэтессе Пак Хе Гван, стихи которой она переводила [4; 338]. Даже этих немногих фактов достаточно, чтобы убедиться, что корейская поэзия нашла в Ахматовой благодарного читателя и переводчика... О книге корейских переводов ей писал А. Фадеев: «Переводы – выше всяких похвал» [5; 569].

Традиционные темы корейских поэтов – природа, мир животных и мир растений, их одухотворение; человек, его мысли и чувства, его связь с природой, перевоплощение. При всем внешнем однообразии, эти мотивы бесконечно многообразны, они заключают в себе глубокое философское содержание; они словно завораживают какой-то тайной, не оставляют читателя равнодушным.

Образный ряд включает в себя как бы изначальные «кирпичики» мироздания, самые основы бытия природы, окружающего человека мира, Вселенной: ветер, снег, луна, земля, деревья, бабочки, речка, камень, бамбук, вода, сосна... Это

не просто смысловые, нейтральные понятия – они окрашены эмоционально, содержат в себе все признаки художественного образа, поэтической метафоры и порой раскрываются с неожиданной стороны. Так, о луне говорится: «Такая малость в небесах, / А освещает всю природу». В другом случае луна называется «светильником», который «на вас... смотрит и молчит / – Вот образ истинного друга!» [3; 274] В *воде* поэта привлекает такая, казалось бы, очевидная вещь – «вода всегда прекрасна и всегда струится» [3; 273]. Главная «ценность» *каменя* – в его «неизменности»: «В этом мире лишь одно / Неизменно – камень». А вот признание в любви к *бамбуку*: «Я оттого тебя люблю, / Что круглый год ты зелен».

Важнейшая черта корейской лирики, которая, судя по всему, близка и А. Ахматовой, – это неразрывность, *слиянность* мира человека, его мыслей и чувств с миром первозданной природы. Человек – этот «мыслящий тростник» – воплощение богатства и многообразия природы, но и природа очеловечена, осмысленна... «Стану я сосной высокой», – говорит Сон Сам Мун. «Я хочу разбить на части сердце пыльное мое, / Чтобы каждая частица стала яркою звездой...» [3; 271]. Другой поэт – Чон Чхоль – свое место в мире, свое одиночество осознает, лишь глядя на двух бабочек, которые «всегда вдвоем» («На яркой пестроте цветов...»). *Природное* иногда кажется таким близким и неотрывным, что способно заменить людей. «Пять друзей» – назвал свое стихотворение Юн Сон До; эти друзья – «бамбук зеленый, речка, камень и сосна», а также луна, от которой он «счастлив вдвойне (луна занимает особое место в жизни корейцев и их поэзии). «И, поверьте, мне не надо / Больше никаких друзей» [3; 273]. Или вот: «Два каменных будды, / Нагие, стоят у дороги... / Завидуй! Не знают они человеческой разлуки» [3; 272]. Здесь, как и во многих других случаях, «зависть» вызывает то, что дает свободу от человеческих чувств и страстей. Это один из важных мотивов восточного мирозерцания, которое находит свое воплощение в корейской классической поэзии.

Для художественного мира этой поэзии характерны полярность, контрастность, довольно отчетливая *парность* образов: небо – земля, снег – зелень, жара – холод, бедность – богатство, добро – зло, здоровье – болезнь, жизнь – смерть... Эти «пары» наполняются глубоким поэтическим смыслом, создавая напряженное эмоциональное поле. Все это прекрасно передает в своих переводах А. Ахматова: «Если жарко – цветы зацветут, / Если холодно – лист опадает...»; «Когда болеет дерево, никто / Под ним не отдыхает у дороги, / А под здоровым деревом всегда / Прохожий ищет тени и приюта» [3; 272].

А. Ахматова писала о своих переводах из корейской поэзии: «Это – произведения корейских поэтов XV–XVIII веков. Все они переведены на русский язык впервые. В сборник вошла поэма Юн Сон До «Времена года рыбака», сюжет и общее настроение которой неожиданно напоминают повесть Хемингуэя “Старик и море”» [3; 441]. «Времена года рыбака» – это, с одной стороны, *реалистический* рассказ о буднях простого корейского рыбака, его нелегком труде, но это и своеобразный *поэтический* дневник человека, умеющего видеть и чувствовать природу, глубоко и оригинально обдумывающего свое место в мире, среди людей. Поэму в переводе Ахматовой отличает колоритный и точный социально-бытовой рисунок, философская наполненность, непринужденная лирическая интонация...

А. Ахматова отмечала: «Стихи корейских поэтов очень близки к живописи, в них отсутствует рифма, и это обстоятельство дает переводчику большую свободу и в то же время позволяет сделать перевод особенно точным. Известно, если в собственных стихах рифмы – крылья, то при переводе они превращаются в гири...» [3; 441]. Поэтическое вдохновение корейских авторов, соединенное с талантом и любовью русской поэтессы к переводимому, дали прекрасный художественный результат, сделав ахматовские переводы корейской классической поэзии истинным *шедевром*, который позволяет и сегодня лучше понять жизнь корейцев, их мысли и чувства, самую *душу* народа, его древнюю и вечно молодую культуру...

4

Корейская тема в ее различных проявлениях нашла свое отражение и в таких произведениях советских писателей, как романы А. Фадеева «Последний из удэге», «Девятый вал» И. Эренбурга, в приключенческих повестях Р. Кима.

А. Фадеев в своем романе запечатлел образ молодой корейской девушки Марии Цой, которая участвует в партизанской войне в России, на Дальнем Востоке. Эта героиня беззаветно любит свою Родину, желает ей добра и процветания, готова отдать за это свою жизнь... Цой сражается с противником плечом к плечу с русскими, китайцами, удэгейцами, представителями других национальностей. Она – сильная и волевая девушка. Брат напуган ее: «Не жалею в борьбе своего сердца, если надо – разбей его!» И она вправе сказать через некоторое время: «Он может быть спокоен, мой брат...» [6; 460]. Писатель убедительно показывает самоотверженность, благородство души своей героини. Она пользуется непререкаемым авторитетом среди корейцев, отряд которых возглавляет.

В романе «Последний из удэге» (1929–1940) корейцы предстают людьми сдержанными, суровыми, некоторым даже кажется – «недобрыми», бесчувственными. Но это только внешнее впечатление. Их твердость и сдержанность объясняются строгими нравственными нормами, необходимостью соблюдать дисциплину в условиях жестокой борьбы, которую они вынуждены вести...

В романе А. Фадеева есть многозначительный эпизод, которые помогает понять многое о корейцах. Один из молодых корейских бойцов по имени Ни нечаянно убивает из ружья русского мальчика. Молодой кореец сам считает, что он заслужил смерть. И его соотечественники готовы исполнить приговор: они не могут простить даже нечаянного убийства, такой вопиющей недисциплинированности. Однако Мария Цой, по совету русского командира, предлагает оставить жизнь Ни и ограничиться изгнанием его из отряда. Но это кажется самому корейцу большим наказанием, чем смерть: он готов умереть, но не уходить из отряда... Эта коллизия, как она изображена писателем, полна драматизма, хорошо раскрывает сущность корейского национального характера.

В романе И. Эренбурга «Девятый вал» (1952) корейская тема возникает на фоне международных политических событий. Только что окончилась Вторая мировая война, а в воздухе уже пахнет третьей мировой, еще более страшной и разрушительной... А пока возникают локальные войны – такие, как война между Северной и Южной Кореей. В романе есть сцена, где рассказывается об одном американском военном, которого завербовали на войну в Корею. Он попадает в плен и начинает понимать, что его обманули, обвиняет тех, кто его втянул в эту грязную историю.

Роман И. Эренбурга был написан в период, когда крайне обострилось идеологическое противостояние двух недавних союзников в борьбе с фашизмом – Советского Союза и Америки. Поэтому естественно, что в этом произведении ощутимы следы политизированности, односторонний взгляд на события. Однако здесь звучит центральный мотив, который и сегодня не потерял своей актуальности (а прошло уже больше сорока пяти лет) – о мирном воссоединении Кореи. Писатель явно сочувствует этой гуманной идее, хотя не может не понимать всей ее несбыточности в грозовой, напряженной обстановке тех лет... И. Эренбург рассказывает о Корее и корейцах как о страдающей стороне – «паны дерутся, а чубы трещат у холопьев», как говорит русская пословица, – и это не может не вызвать сочувствия.

Приключенческие повести Р. Кима («По прочтении сжечь», «Тетрадь, найденная в Сунчоне», «Агент особого назначения», «Кобра под подушкой» и другие) также погружают нас в накаленную политическую атмосферу первых послевоенных лет и более позднего периода, знакомят с деятельностью японской и американских разведок.

В тетради японского разведчика («Тетрадь, найденная в Сунчоне», 1950), якобы найденной в штабе американских войск, рассказывается о войне между Севером и Югом Кореи. Написанная в жанре политического детектива, эта повесть также несет на себе неизбежные отпечатки своего времени, острой идеологической борьбы, о чем уже говорилось. Однако и здесь красной нитью проходит мысль о том, что корейский народ не виноват, он не хочет войны, в нее корейцев втянули великие державы, корыстные расчеты политиков внутри страны. Автор показывает глубокий патриотизм корейцев, их свободолюбие, самоотверженность в борьбе за свободу от чужеземных захватчиков, кто бы они ни были...

Конечно, говорить об объективности изображения событий, происходивших в Корее, особенно в пятидесятые годы, не приходится. И все же при чтении повестей Р. Кима остается впечатление, что симпатии автора на стороне простых людей Кореи, ее народа.

5

Ты должен узнать перед смертью, что главным в тебе, в твоём убогом и черством существе была все же безмерная доброта...

А. Ким. Лотос

Совершенно естественно, что образы корейцев мы находим в прозе современного русского писателя корейского происхождения А. Кима. Вся проблематика его произведений тесно связана с Россией, ее людьми, историей, ее судьбой. Прозу А. Кима питают богатые традиции русской литературы, равно как и западной. Писателю близки нравственные, философские искания русских классиков Л. Толстого, Ф. Достоевского, он напитан соками философов различных школ и направлений, в том числе восточных. Все это, однако, не мешает ему быть самим собой – писателем со своими главными темами, неповторимым стилем, языком, интонациями, по которым легко узнается его своеобразный авторский голос. И это своеобразие, думается, не в последнюю очередь определяется именно смешением «кровей» – будучи русским писателем, А. Ким не забывает о своей

первой родине, о Корее, с которой он связан прочнее и глубже, чем это может показаться на первый взгляд... Эта связь иногда очевидна – когда он пишет о героях корейской национальности, которые, где бы они ни жили, память о родной земле, ее обычаях сохраняют на генетическом уровне; или менее очевидна – когда она проявляется в особенностях мироощущения героев и самого автора, в своеобразии его творческой манеры, поэтике.

Герои-корейцы в произведениях А. Кима чаще всего простые люди, с нелегкой судьбой, трудовой биографией. Разными путями и по разным причинам попадают они в Россию, оседают здесь на Дальнем Востоке, на Сахалине, живут в других местах; разделяют с другими трудности и радости, женятся на русских, воспитывают детей, много работают, старятся и умирают... Они принимают обычаи и порядки, которые их окружают, иногда даже меняют верования; но память предков живет в них, они нередко видят горы и море своей родины, они и в чужих краях селиться предпочитают у самого берега...

Одной их характерных черт почерка А. Кима является порой причудливое сочетание «небесного», даже космического с земным, узнаваемым, бытовым материалом, стиля романтически-возвышенного – с «низким»... Многие его герои предстают в подчеркнуто-обыденном свете, барахтаются на самом дне жизни, но и при этом сохраняют такие драгоценные качества, как порядочность, доброта, склонность к медитациям на темы жизни и смерти. Писатель не идеализирует своих героев, но и не загоняет их в угол, всегда дает им возможность остаться человеком, сохранить свое достоинство...

Вот перед нами пожилой кореец из повести «Луковое поле». Он работает бригадиром, не любит тех, кто безразлично относится к своему делу. «Настоящим варварством» называет он действия студентов, которые, разгружая арбузы, так перебрасывали их друг другу, что они разбивались. Но бригадир сдержан в своем осуждении, он считает, что пусть уж лучше студенты побьют хоть треть арбузов, зато остальные удастся вывезти... Писатель рисует образ человека строгого, делового, умеющего реально оценить обстановку, крепко стоящего на земле. Кореец не расточителен, жизнь научила его ценить каждую копейку, но он не отказывается помочь другому человеку. Так, сторожу и своему постояльцу Павлу он подарил старую телогрейку, чтобы тот не мерз по ночам. Мы также узнаем, что бригадир съездил специально в магазин для того, чтобы купить для Павла мясные консервы, что вызвало возмущение у дочери. «Сами консервов не едим», – говорит она.

В свое время В. Распутина и других современных русских писателей-деревенщиков критиковали за пристрастие к изображению стариков и старух... А между тем такое пристрастие объяснимо хотя бы тем, что именно рассказ о жизни пожилого, старого человека позволяет как нельзя лучше показать итог жизни, самый смысл существования; подобное повествование позволяет насытить его раздумьями о самом главном, насущном. Думается, то же самое подталкивало и А. Кима к образам старых людей – их также немало в произведениях писателя.

Вот перед нами кореец Пак из повести «Лотос». Умирает его жена, в какой-то момент Паку кажется, что он виновен в смерти этой старой и больной женщины – иногда он ругал и даже бил ее. Но дух уже умершей жены снимает с него этот тяжкий грех. «...нет на тебе вины за смерть женщины», – слышит он «голос» сверху.

И в самом деле, нет его вины в том, что он прожил трудную жизнь; война в Корее разрушила его семью, погибли дети, сам он вынужден был скитаться, пока не осел в России. Долгое время он не хотел больше обзаводиться семьей, но встретился с русской женщиной, и они поженились, прожили вместе несколько лет. И вот жена смертельно заболела, а Пак самоотверженно ухаживает за ней, готовит ей еду, убирает грязь. И, уже умерев, жена говорит ему «оттуда»: *«Старик, ты умрешь скоро, и я пришла к тебе не ради мести.. Ты должен узнать перед смертью, что главным в тебе, в твоём убогом и черством существе была все же безмерная доброта»* [7; 277]. Это и составляет самую сущность характера Пака.

Еще один образ старого корейца – До Хок-ро создан писателем в повести «Собиратели трав». Жизнь приучила старика к скупости, однако он способен на щедрость. Экономя на всем, он скопил денег, которые легко и неожиданно отдает взаймы; вскоре у него украли все остальные... Доброта и доверчивость иногда подводят его, но он не ожесточается, не мстит людям.

Автор пишет, что До Хок-ро «жил в настоящем, но прошлое оказывалось порою намного ярче настоящего». Однако и прошлое для него «хранилось не целиком и в строгой последовательности, а как бы отраженным в осколках разбитого зеркала времени...» [7; 379]. Старик одинок, у него часто не хватает еды и одежды, но он считает, что боги любят его. Писатель рассказывает о своем герое с сочувствием и доброй улыбкой, но не сюсюкает, не идеализирует его. Старик-кореец показан во всей повседневности – трудовых будней и редких радостей, всего того, из чего состоит жизнь простого человека, не избалованного судьбой.

До Хок-ро прожил немало лет, но порой и он не все понимает в окружающем его сложном и запутанном мире. Так, волнующей тайной является для него «длинная подводная лодка», которая «чернела поперек моря», недалеко от побережья... Столь же загадочными оказываются и некоторые люди, с которыми его сводит жизнь. Долгие и трудные годы борьбы за существование не притупили в нем остро ощущения тайны, загадочности, красоты мира. «Никогда он не замечал раньше, что в мире столько звезд...» [7; 399]. Ему иногда снится, что он молод, «у него крепкие, быстрые ноги, ловкие руки. Он стругает рубанком пахучую липовую доску...» [7; 408]. Ему вспоминается молодость, одна женщина, из-за которой его хотят отправить в солдаты... Проснувшись и ощутив себя старым человеком, До Хок-ро плачет...

А. Ким создает образ человека умудренного и уставшего от тягот жизни, но не сломленного, не разучившегося делать добро, готового помочь словом и делом, отзывчивого на чужую боль и беду; человека, много знающего и пережившего, но не переставшего удивляться богатству и разнообразию мира... Он уже стар и болен, ему скоро придется умирать, но у него нет зависти к живущим и здоровым. До Хок-ро нередко выглядит жалким и смешным, но при этом не утрачивает своего достоинства, хотя часто у него просто не остается сил, чтобы постоять за себя. Пир жизни недоступен ему, и он остро ощущает это. «Эти веселые люди играли в свои игры, бросались в волны и плыли по ним, ни о чем не подозревая. А вечером уйдут они в город, будут гулять кучками по улицам, многие пойдут в клуб, где показывают понятное для них кино, а другие сядут на станции в вечерний поезд и уедут куда-то. Они будут мелькать в окнах домов, скрывая за занавесками свою домашнюю жизнь. И никто из них не знает теперь, что совсем недалеко в больших пыльных лопухах сидит смерть и смотрит на них. У нее жадный, дурной

взгляд, песок хрустит на ее зубах. Они не знают, что смерть другого человека – это не просто чужая смерть, а их собственная, потому что смерть для всех одна и та же [7; 430–431].

Это чрезвычайно характерная для прозы А. Кима рефлексия. В ней не просто утверждается «*memento mori*», не просто слышна обреченность и трагизм, но и уверенность, что при всей неизбежности смерти – «для всех одна и та же», – *жизнь торжествует...* Таков, по сути, итог жизни героя повести «Собиратели трав», равно как и итог других схожих героев писателя, всего его творчества, проникнутого раздумьями о глубинах и тайнах бытия, о жизни человека на земле. Проза А. Кима современна по проблематике, по интонации, художественной аранжировке, по языку.

* * *

Образ Кореи – Страны утренней свежести и спокойствия – правдиво и многогранно запечатлелся на страницах русской литературы. Здесь было рассказано только о некоторых из них. Но главное, что остается в памяти, – это образ прекрасной и одновременно суровой природы, гордого и свободолюбивого народа, богатой, идущей в глубь веков истории. И образ Кореи, разделенной, но не сломленной, ищущей свои пути в будущее. Оно не безоблачно, но ясно одно: этот путь – через мирное воссоединение, через строительство единой Кореи, каким бы трудным и долгим он ни был...

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1978.
2. Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края. М.: Мысль, 1987.
3. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1987.
4. Ахматова А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990.
5. Фадеев А. Собр. соч. Т. 7. М., 1971.
6. Фадеев А. Последний из удэге: Роман. М.: Советский писатель, 1959.
7. Ким А. Избранное. Повести. Роман. М.: Советский писатель. 1988.

Вячеслав Яковлевич Саватеев родился в Москве в 1939 году. Доктор филологических наук. Критик, литературовед, автор нескольких книг и многих статей, посвященных русской литературе XX века, в том числе – писателям 1920–30-х годов, военной и послевоенной прозе, периоду «оттепели» и современной литературе. Работает в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Член Союза писателей России.

